

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия

О чем говорят младенцы

Я никому ничего не должна

Всяла віе

Семейная кухня

Ласточ...ка

Замочная скважина

Не всяла віе

Пьяная стерлядь

Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба

МАША
ТРАУБ
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА

Москва
2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 65

Художественное оформление серии
С. Груздева

Трауб М.

Т 65 Дневник мамы первоклассника / Маша
Трауб. — М.: Издательство «Э», 2016. — 288 с. —
(Проза Маши Трауб).

ISBN 978-5-699-66254-8

Пока эта книга готовилась к выходу, мой сын Вася стал второклассником.

Вас все еще беспокоит счет в пределах десятка и каллиграфия в прописях?

Тогда отгадайте загадку: «Со звонким согласным мы в нем обитаем, с глухим — мы его читаем». Правильный ответ: «дом — том». Или еще: «Напишите названия рыб с мягким знаком на конце из четырех, пяти, шести и семи букв». Мамам — рыбакам и биологам, которые наверняка справятся с этим заданием, предлагаю дополнительное. «Даны два слова: «дело» и «безделье». Прочитайте по слогам». Интернетом пользоваться нельзя. И книгами тоже. Ответ: «Маленькое дело лучше большого безделья». Это проходят дети во втором классе. Говорят, что к третьему классу все родители чувствуют себя клиническими идиотами.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-66254-8

© Трауб М., 2013
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Первая четверть

28 августа.

Первое родительское собрание

Позвонили два дня назад.

— Алле?

— Это квартира Т.?.

— Да.

— Это родительница. Собрание в школе в четыре. Явка обязательна.

Пришла на десять минут раньше, но в классе уже сидели мамы и один папа.

Первую парту — напротив учительского стола — заняли две женщины, судя по всему, подруги. Обе лихорадочно писали в блокнотах. Было понятно, что именно они станут активистками еще не созданного родительского комитета. Следующую парту у окна заняла мама в очках. Строгая, костюмная, с туго натянутой спиной. Она выключила мобильный телефон, выложила на парту тетрадку, ручку, подровняла, чтобы они располагались четко

Маша Трауб

перпендикулярно, сложила руки лесенкой и стала смотреть на доску. На доске ничего интересного не было. И неинтересного тоже не было. Но женщина не отрывала взгляда от пустой доски.

Единственный мужчина сидел на задней парте. Я села в середине и чувствовала себя некомфортно. Я-то всегда сидела на галерке — с хулиганами и двоечниками. И даже не мечтала, что меня когда-нибудь пересадят хотя бы в середину. У нас эти места занимали «вставшие на путь исправления» обитатели задних парт. Я крутилась, никак не могла усесться, роняла ручку, телефон, на всякий случай улыбалась родительницам с первой парты, оглядывалась на мужчину. Но ради сына, Василия, решила терпеть. А вдруг решат, что он — сын двоечницы и хулиганки? Пока все собирались, наша первая учительница — Светлана Александровна — ковыляла по классу. Она сломала ногу перед самым началом учебного года. Самое обидное, что сломала на пороге родной школы, на лестнице. К гипсу была приделана квадратная дощечка — для опоры. Как у японских гейш на вьетнамках. Я сидела и думала — странно, что никто не изобрел удобную дощечку для гипса. А еще о том, что в жизни все повторяется. И первая

Дневник мамы первоклассника

учительница, и родительская паника, и даже гипс.

Только вчера муж рассказывал, что у его первой учительницы была сломана рука — она ходила с такой страшной треугольной распоркой. Ее боялись все ученики. А некоторые, мой муж, например, не верили, что эта перемотанная мумия с деревяшками под мышками, которая разворачивается всем телом, может быть учительницей. Эту несчастную женщину к тому же звали неудачно — Инна Яновна. Немыслимое для первоклашки сочетание букв. Муж говорил, что все звали ее Инянна, а иногда Янинна. И никто точно не помнил, как правильно, потому что учительница отзывалась на оба имени. Распорку не снимали долго и через некоторое время, по воспоминаниям мужа, все дети дружно втягивали головы в плечи, стоило Инянне показаться на горизонте. Что неудивительно — все по очереди получили этой конструкцией по голове, пока не научились уворачиваться. Муж, кстати, до сих пор уверен в том, что есть люди, точнее, женщины, у которых глаза на затылке. Их Инянна, не поворачиваясь, знала, кто болтает, кто списывает, кто в окно смотрит.

А моя первая учительница с красивым именем Роза шамкала из-за отсутствия зубов.

Маша Трауб

Ей не успели вставить к 1 сентября новую челюсть. Мы ее тоже боялись, потому что не понимали, что она говорит. Вообще не понимали, чего она хочет.

— Шдраст, шежи, меня шовут Шожа Ивашовна, — говорила моя учительница. — Повштожите.

Мы сидели и молчали. Тогда Роза Ивановна написала на доске свое имя, но в те годы первоклассники в лучшем случае должны были знать буквы, а читать умели только гении. Новые зубы Роза Ивановна получила к концу первой четверти. Но протез ей, судя по всему, мешал, и с дикцией учительницы перемен не произошло. Как шамкала, так и шамкала, только немного по-другому. Главное, мы ее понимали.

Так вот, Васина первая учительница Светлана Александровна проковыляла к шкафу достать какие-то рулоны. Мешал шкаф.

— Папа, можно вас? Помогите отодвинуть, — попросила учительница единственного мужчину в классе.

Вышедший папа тоже, видимо, осуществил несбыточную мечту, сев на заднюю парту. Ни на хулигана, ни на прогульщика, ни на двоечника он никак не тянул. Такой subtilный сутулый интеллигентный юноша — мечта физ-

Дневник мамы первоклассника

рука. Я представила, как этот папа, когда был мальчиком, болтался на перекладине и пытался сделать подъем с переворотом, а физрук его называл «глистой» или «сосиской», и все дружно ржали.

В общем, я пожалела, что не села к этому папе на заднюю парту для моральной поддержки. Представляете, каково это — на глазах двадцати баб пытаться сдвинуть шкаф? Женщины, поджав губы, смотрели, папа потел, шкаф не двигался.

— Ладно, — выкарабкалась из-за парты женщина в бейсболке со стразами и мощной грудью, тоже усыпанной стразами. — Вы тут про ремонт будете говорить и про деньги. Могу дать пять тыщ. — Родительница клацнула кошельком со стразами. — Муж у меня — сантехник, — продолжала она, — он вам тут и батареи, и раковины поменяет. Все, я пошла. Звоните.

Счастливая жена сантехника, которой тут же заулыбались активистки родительского комитета, подошла к шкафу, легонько толкнула плечом — шкаф сдвинулся. Опозоренный папа под взглядами сорока женских глаз понуро вернулся на свою заднюю парту и затих.

— Спасибо, — сказала ему Светлана Александровна.

Маша Трауб

— Не за что, — честно ответил папа.

Наконец собрание решили начать. Светлана Александровна поздравила нас с нашими детьми-первоклассниками и выразила надежду, что мы станем одной большой семьей. На этом торжественная часть закончилась, и все стали задавать насущные вопросы: сколько тетрадей сдавать, во сколько приводить, во сколько забирать...

— А можно в джинсах ходить? — спросила я, когда разговор перешел на школьную форму.

Вообще-то нужно было заказать школьную форму. Но я про это забыла. Скорее, забыла сознательно, потому что представить своего сына в пиджаке с огромными накладными плечами не могла, как ни старалась. Опять же из опыта я знала, что форменные брюки продержатся максимум два дня. А джинсы меня еще никогда не подводили.

— Да вы что? — возмущилась строгая родительница со второй парты. — Какие джинсы? Ясно же всем сказали — форма обязательна. Вот моя дочка, — обвела она взглядом родительниц, — только в белых блузках ходит. Даже на прогулку. Ей очень идет. А можно в парадной форме каждый день ходить? — спросила она учительницу.

Дневник мамы первоклассника

— Можно. Но, поверьте моему опыту, вам это быстро надоест, — ответила Светлана Александровна.

— А почему здесь стены такие зеленые? — спросила тихая испуганная женщина с первой парты у стены.

— Замечательный вопрос! — воскликнула одна из активисток. — Я предлагаю перекрасить в персиковый. Кто за персик?

Все подняли руки.

— По сколько сдавать? — обреченно спросила испуганная женщина.

— Ну, давайте по пять тысяч... Считайте сами — ремонт, туалетная бумага, карандаши семьдесят штук, цветы в горшках...

— А если мы уже сделали ремонт, нам все равно сдавать? — уточнила женщина.

— Где? — удивилась активистка и посмотрела по сторонам.

— Понимаете, мой муж подошел к завхозу и спросил, где делать ремонт. У него, у мужа, бригада и машина. Вот в соседнем классе сделали. Мы же не знали, что в этом нужно. Сказали, что в том надо, — тихо ответила родительница.

— А инициатива всегда наказуема, — сказала активистка. — Товарищи родители, подумайте, кто еще чем может помочь?

Маша Трауб

Все дружно вжали головы в плечи и стали рассматривать собственные блокноты, ручки и телефоны.

— Так, — обвела взглядом класс активистка, — мы сейчас пустим по классу листочек, где каждый напишет, кто как будет помогать.

Я вспомнила свою знакомую Юлю, которая тоже была мамой первоклассника. В пущенном по классу листочке она написала: «Могу помочь материально. Только немного. Мне еще за квартиру платить».

— Нужны бейджики, — сказала Светлана Александровна, — с именами детей. Пока я не запомню. Фамилии писать не обязательно. И нашейте метки на одежду или подпишите — теряют. Да, купите своим детям обувь на липучках. Чтобы мы не мучились со шнурками. Ведь не умеют завязывать.

— А все подписывать? — спросила еще одна мама.

— Все, что только можно. Все равно потеряют. Даже портфели теряют, — сказала Светлана Александровна. — Обязательно подпишите мешки со сменкой. Сами покупаете одинаковые, а дети потом мучаются.

— А что должно быть в портфеле? — спросила меня шепотом мама, которая сидела справа.

Дневник мамы первоклассника

— Я прослушала, — тихо ответила я.

— Спросите у соседки, — шепнула мама.

— А что должно быть в портфеле? — спросила я у родительницы слева.

— Четыре тетради, ручки, карандаши, — прошептала соседка.

— Пеналы должны быть мягкие, — говорила учительница, — чтобы не громыхали. Я понимаю, они красивые, но меня тоже поймите: когда двадцать пять человек трясут пеналами, хоть в окно выпрыгивай. И еще, поднимите руки, у кого неполные семьи. Надо для социальной помощи.

Все переглянулись. Руку подняла только одна родительница. Как раньше все буравили взглядом субличного папу, так сейчас все уставились на мать-одиночку. Женщина наверняка хотела залезть под парту или выйти из класса, крикнув: «Вы все идиоты» и громко хлопнув дверью. Я, во всяком случае, именно так и делала на уроке математики, когда математичка стояла надо мной и говорила: «Ей что икс, что игрек, одинаково равно. Как же ты жить будешь? Что из тебя выйдет? Икс из тебя выйдет». Только в старших классах я узнала, что именно математичка — страстная и виртуозная матерщинница — подразумевала под иксом.

Маша Трауб

— Ну, вы можете меньше денег сдать, — нарушила молчание активистка.

— Я хорошо зарабатываю, — ответила мать-одиночка, и все опять посмотрели на нее уже с завистью. Молодая, красивая, хорошо зарабатывающая свободная женщина...

— А что будет дальше? — спросила еще одна родительница. — Когда каникулы? Будут ли экзамены? А оценки будут ставить?

— Давайте по мере поступления, — тяжело выдохнула Светлана Александровна. — Мне бы до седьмого сентября дотянуть — гипс снимают. В этот день разрешаю не приходиться в школу. А с двадцать третьего у меня реабилитация — грязи, массаж. Будет замена. Не волнуйтесь, учительница хорошая. План я ей напишу. Но все-таки контролируйте.

— Как именно контролировать? — спросила активистка и приготовилась записывать.

— Ну, спрашивайте у детей, все ли в порядке, — сказала учительница. Активистка, как мне показалось, даже расстроилась.

Когда учительнице моего мужа снимали растяжку, они тоже не учились. И когда моей учительнице вставляли зубы, мы гуляли. Нам все завидовали, а мы рвались в школу. Мужа оставляли с соседской бабушкой, которая заставляла его держать нитки на руках, пока

Дневник мамы первоклассника

она сматывала клубок. И нельзя было руки опускать, потому что бабуля хватала свою палку с резиновым набалдашником и больно била мужа по ляжке. Меня тоже оставляли с соседкой. Медсестрой, которая на дому прокалывала уши. Анастезией служило то, что приносили клиентки, — коньяк, молдавское вино, портвейн, стерилизатором — спирт медицинский, а инструментом — игла из швейной машинки «Зингер». Муж до сих пор старается держаться подальше от умеющих вязать женщин. А я хорошо помню вечно пьяную соседку и женщин с заклеенными пластырем ушами.

Первое сентября.

Первый раз в первый класс

Школа рядом. Я засекала — идти ровно две минуты. В восемь пятнадцать нужно было стоять в школьном дворе под табличкой «1 А». Муж разбудил меня в семь. Сам встал в половине седьмого.

— Почему так рано? — спросила я.

— Пока умоемся, пока позавтракаем. Вставай.

— А может, ты его отведешь, а я попозже приду?